

АЛЕКСИС ВИЛИБАЛЬД

ШТАНЫ
ГОСПОДИНА
ФОН
РЕДОВА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

В45

Alexis Willibald
DIE HOSEN DES HERRN VON BREDOW

Перевод с немецкого Елены Кормилицыной
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Виллибальд А.

В45 Штаны господина фон Бредова : роман / Алексис Виллибальд ; пер. с нем. Е. Кормилицыной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26166-2

В этой истории есть все атрибуты хорошего рыцарского романа: благородный хозяин старинного замка, его преданная супруга, готовая спасти мужа от смерти, похищение старинного артефакта, заговор, предательство, казнь, страшные призраки, зловещие знамения и, конечно, любовь. Ну как же без любви?

Это сейчас мы называем середину девятнадцатого века — время, когда писалась эта книга, — глубокой стариной, но Алексис Виллибальд считал, что «старые добрые времена» существовали не позднее пятнадцатого века, когда германские бароны еще носили кольчуги и щеголяли в штанах из оленьей кожи.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-26166-2

© Е. Г. Кормилицина, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

Предисловие переводчика

Автор романа «Штаны господина фон Бредова» — Алексис Виллибальд (настоящее имя — Георг Вильгельм Генрих Геринг) — по праву считается в немецкой литературе основоположником жанра реалистического исторического романа. Почти каждый герой его произведений — реальная личность, сыгравшая определенную роль в становлении Бранденбурга и всего королевства Пруссия.

Родившийся в 1798 году Виллибальд происходил из бретонской протестантской семьи, перебравшейся в Германию во времена гонений на гугенотов. Получив гимназическое образование, молодой человек успел добровольцем поучаствовать в Освободительных войнах, которые знаменовали собой конец наполеоновской эпохи. Вернувшись, он начал изучать историю и право и стал юристом, но вскоре оставил это занятие, чтобы посвятить себя литературе. Постепенно писатель нашел в творчестве свое направление — патристические исторические романы, в самом благожелательном духе повествовавшие о «старых добрых временах» в Германии, а потому именовавшиеся «патриархальными». Именно на этой ниве он снискал большую популярность. Восторженные читатели сравнивали его романы с произведениями Вальтера Скотта. Начиная с 1840 года автор публикует

целую серию книг, каждая из которых посвящена определенному периоду в истории Бранденбурга. С 1846 по 1848 год писатель работает над романом «Штаны господина фон Бредова» — произведения, в котором слились воедино суровые исторические реалии, благородная рыцарственность, народные сказания и суеверия, дух авантюризма, густо замешанные на незамысловатом немецком юморе. Собственно, все то, что автор считал характерным для «старой доброй Германии». Что же касается современной ему жизни, то в ней Алексис Виллибальд видел катастрофическую нехватку этих проявлений германского духа.

Он искренне мечтал о возрождении единого германского государства, делал в этом отношении ставку на революционные перемены и был крайне разочарован поражением революции 1848 года: социальные проблемы, вызванные национальной раздробленностью Германии, не были решены; нашедшая широкое распространение среди либеральной буржуазии идея объединения немецких земель так и осталась идеей. Мало того, из-за обрушившейся на него критики ему пришлось покинуть Берлин и долгое время прожить за пределами страны, в Риме. Лишь много лет спустя он смог вернуться на родину и поселиться в Арнштадте.

Последние годы жизни писателя были омрачены бедностью и тяжелыми болезнями. Скончался он в 1871 году, успев застать воплощение своей мечты — провозглашение Германской империи, когда прусский король

Вильгельм I принял присягу в качестве германского императора. Впрочем, Алексис Виллибальд, ослепший, парализованный, измученный психическим недугом, похоже, этого уже не осознавал.

Маркграфство Бранденбург, которому он отдал столько творческих сил и о котором пойдет речь в романе «Штаны господина фон Бредова», являлось наиболее значительным княжеством Священной Римской империи, существовавшим с XII по XIX век. Его возникновение было связано с тем, что в 1157 году маркграф Северной марки Альбрехт Медведь захватил славянскую крепость Бранибор и основал на этих землях новое государство — марку Бранденбург. Славяне, которых здесь именовали вендами, постепенно ассимилировались. К XIV веку маркграфы, правившие в Бранденбурге, окрепли настолько, что получили престижный титул курфюрстов, узаконивший их право голоса на выборах императора Священной Римской империи. Впрочем, это не спасло курфюршество Бранденбург от смутных времен и войн, растянувшихся на годы.

В начале XV века наследным главой и правителем Бранденбурга император назначил Фридриха VI из рода Гогенцоллернов. При этой династии началась постепенная стабилизация обстановки, связанная с возвращением когда-то потерянных земель и централизацией власти.

В самом конце XV века к власти в Бранденбурге пришел юный курфюрст Иоахим I Нестор из династии Гогенцоллернов. Он был полон благих намерений

и мечтал о том, чтобы свет латинской учености озарил земли, над которыми он поставлен властвовать, чтобы во Франкфурте-на-Одере открылся университет, а все его подданные стали равны перед законом. Впрочем, как это обычно и бывает, путь к преобразованиям оказался тернистым, поэтому в памяти потомков Иоахим Нестор остался не только просветителем, но и жестоким, бескомпромиссным политиком, готовым отправить несогласных с его решениями на виселицу. Именно об этом времени и повествует роман Алексиса Виллибальда.

Местные феодалы (не без оснований именуемые в немецких рыцарских романах «рыцарями-разбойниками») все еще прекрасно помнили те времена, когда могли чинить произвол, чувствуя себя независимыми не только от курфюрста, но и от императора Священной Римской империи. Неужели этой свободе настал конец? Как мальчишка, находящийся у власти, осмелился пролить благородную кровь? Разве он не боится, что против него выступит старая аристократия? Ведь многие из тех, чьи свободы он пытался ограничить, все еще помнили о своих мужественных славянских предках, которые ни перед кем не гнули спины и отступали лишь тогда, когда действительно нельзя было иначе.

На фоне трагических и важных для Бранденбурга событий, описанных в романе, происходит нечто, казалось бы, совершенно незначительное и даже комичное. Супруга господина Гётца фон Бредова из замка Хоен-Зиатц решила выкрасть кожаные штаны собственного

мужа, чтобы их постирать. Дело в том, что сам благородный господин добровольно не расставался с этой частью костюма. Он и несколько поколений его предков не без основания считали штаны своим талисманом, поэтому очень боялись оказаться без них перед лицом опасности. Собственно, пропажа волшебного талисмана и стала отправной точкой для целой череды событий, так или иначе связанных с семейством фон Бредовых и историей Бранденбурга.

Особое значение кожаных штанов для старой аристократии, в том числе и тех, что не принадлежали конкретно господину фон Бредову, прослеживается на протяжении всего романа. Этот предмет одежды, пошитый из выделанной оленьей шкуры, служит символом вольных «старых добрых» времен. В таких штанах не пойдешь выказывать курфюрсту верноподданнические чувства, зато в них легко отправишься на охоту, войну или грабеж. Для дворцов нужны необъятные плюдерхозе¹ с буфами из тонкого сукна на богатой шелковой подкладке — но это уже признак совсем другой эпохи и совсем другой культуры. Недаром потомок самого «правдивого человека на свете», барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхгаузена, посвятил кожаным штанам стихотворение, которое могло бы с легкостью послужить эпиграфом для этого романа, не будь оно написано десятилетиями позднее.

¹ Плюдерхозе — очень широкие сборчатые штаны с напусками, перевязанные поперечными лентами.

САГА О КОЖАНЫХ ШТАНАХ¹

Этот царский олень жил бы тысячу лет,
Но его подстрелил на охоте мой дед.
Его кожа была и толста, и крепка —
Можно сшить превосходную вещь на века.
Долго дед над оленьей шкурой мудрил,
Наконец он штаны из нее смастерил,
Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.

Это дивные были штаны, и мой дед
Их носил, не снимая, почти тридцать лет,
А когда по наследству отцу перешли,
То стоять без труда уже сами могли.
Задубев на морозе, они вечером
Перед жарким камином стояли колом.
От колючих метелиц, от хлестких дождей
Становились штаны лишь прочней и прочней.

Вот родителю стукнуло за шестьдесят.
Он решил починить свой любимый наряд.
Оказалось, что кожа все так же крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка,
Как зубцы шестеренок в старинных часах.
И отец гарнитур поменял на штанах.

¹ Автор — Бёррис Фрайхерр фон Мюнхгаузен, перевод Евгения Лукина.

Не вернуться веселым денькам никогда:
Очертела отцу верховая езда,
Да и правду сказать, сумасшедший галоп
Разутешит едва ли почтенных особ.
Над подарком недолго раздумывал я:
Очутились штаны на заду у меня.

Был приказ воевать в кавалерии мне,
И штаны в тот же час подскочили в цене.
Во спасенье не раз на баталиях им
Приходилось сливаться с моим вороным,
А потом на просушке они вечерком
Перед жарким камином стояли колом.

В тех местах, где я рос и мужал на глазах,
Сохранился от деда рассказ о штанах,
Что когда-то весенней цветущей порой
Отливали они изумрудной волной.
Но позднее отец подмечал между строк
Сероватый оттенок, мышинный намек.
А сегодня штаны эти выглядят так,
Как чуть-чуть побуревший турецкий табак.

Что ж, меня хозяев, штаны каждый раз
Обретали внезапно и новый окрас.
И, как знать, не придется ли им покраснеть,
Если кто-нибудь вновь пожелает надеть,

Потому что идут за годами года,
А штаны остаются штанами всегда.
Сквозь далекую дымку все чудится мне:
Старший сын поутру скачет в них на коне.

Пусть он носит штаны круглый год напролет,
Ни в дожди, ни в метелицу не бережет.
Их дубленая кожа, как прежде, крепка,
Только пуговицы поистерлись слегка.
По примеру отца пусть мой сын дорогой
Гарнитур поменяет на них роговой.

Если будут штаны так и дальше служить,
Если будет штаны честолюбец носить,
Если будут штаны так же ездить верхом,
Если будут стоять так же сами колом, —
Мальчик мой, пусть идут за годами года,
Но не сносятся эти штаны никогда.

Глава первая

ОСЕННЯЯ СТИРКА

Если вам доведется гулять по саксонскому сосновому лесу, необъятному и сверху напоминающему огромное темное пятно, куда не заглядывает солнце, вы заметите, что чем ближе к опушке, тем все больше он редет, что стройные стволы деревьев становятся золотистыми в закатных лучах, а пышные кроны легко покачиваются под нежными дуновениями ветра, отчего душа наполняется покоем. Но, достигнув края леса, вы не увидите привычные поросшие виноградниками склоны, прорезанные журчащими ручьями, сбегаящими с далеких голубых гор и пенящимися в своих каменных ложах. Перед вами предстанет долина Эльзенбрух, с ее бурыми вересковыми пустошами и протянувшимися над ними песчаными откосами, где гуляет ветер, воющий над тощей, робко проглядывающей зеленью, словно злая собака, стерегущая голые кости.

Кажется, здесь мало жизни: лишь одинокие березы отчаянно цепляются корнями за почву да осторожный аист вышагивает по болоту, а вверху, над кустами, кружит ястреб. Но как же легко дышится путнику, когда длинный, извилистый путь сквозь сосновую темень наконец остается позади. Идущего окутывает прохлада,

и вот он уже слышит шелест тростника в воде, лягушачий хор, жужжание насекомых, видит, как мелькают среди камышей трясогозки, и невольно следует взглядом за ветерком, тихо проносящимся над зарослями вереска. Очарование природы наполняет пустошь жизнью, радует взор и позволяет отдохнуть, когда после черного колючего соснового леса перед путником открывается спокойное и чистое озеро. Оно кутается в темно-зеленые берега, словно застенчивая девушка, прячущаяся от непрошенных взоров в свой кружевной воротник. Его темная вода подобна зеркалу, а тихий плеск воды напоминает едва различимый шепот. Внезапно рассеиваются облака, темная поверхность делается прозрачной, в ней загорается серебристая дорожка и отражается ясное небо, в котором купается луна и сверкают звезды.

Избыток воды из полноводного озера изливается в речку, что бежит, петляя, от опушки леса на равнину. Она оmyвает тенистые заросли, жадно пьющие ее воды, струится по мокрым лугам, зарывается в песок и гальку, вьется вокруг холмов, дробится о валуны и поит вечно испытывающие жажду ивы. Отдельно стоящие сосны — своеобразный форпост леса, — израненные и искаленные ветрами, напрасно пытаются дотянуться до ее прохладных вод. Их гигантские корни, пролегающие под береговым песком, не могут украсть для себя ни единого глотка.

Но если бы кто-то сегодня взглянул на это место с высоких холмов, он не ощутил бы ни тишины, ни покоя.

В глаза случайному путнику бросилось бы белое бурлящее марево, поднимающиеся клубы дыма и фигуры,двигающиеся вокруг тлеющих костров. Но эту белизну нельзя было бы назвать снегом, поскольку деревья, хоть и покраснели уже совсем по-осеннему, не торопились сбрасывать увядшие листья, а луга и вовсе еще блистали буйной зеленью. Определенно, это был не снег еще и потому, что он не лежал спокойно на месте, а трепетал и шуршал, бросал яркие отблески и снова пропадал из поля зрения.

Это были не белые лебеди, расправляющие и складывающие крылья, — такие гигантские птицы никогда не водились в Хафельланде¹ и Заухе². Это были не паруса больших кораблей, раздуваемые ветром и опадающие, потому что по реке могли бы проплыть лишь маленькие лодчонки. И это были не шатры кочевников, потому что они не стояли на месте, да к тому же, если подойти поближе, сразу становилось понятно, что в шатрах нет никакой нужды, так как между кострами стояли аккуратно сложенные из соломы и сосняка шалаша. Это было целое становище, но одинокому путнику не стоило опасаться разбойников.

Несколько копий, поблескивая в солнечных лучах наконечниками, мирно стояли, прислонившись к столбам

¹ Хафельланд — регион земли Бранденбург. (*Здесь и далее, если не отмечено отдельно, примечания переводчика.*)

² Заухе — возвышенность в земле Бранденбург.

шалашей и к деревьям. К тому же разбойники не смеются и не поют так весело, а если и становятся где-нибудь лагерем, то никак не в диких местах, находящихся между пустошами и болотом, где не проходят торговые пути. Если бы все происходило в ночное время, можно было бы сказать, что это ведьмы забрались в самые дебри, чтобы варить свои зелья там, где этого никто не увидит. Но стоял солнечный день, и так же солнечно смеялись все вокруг. Со звуками смеха сливались и другие звуки — хлопки и стук.

Короче говоря, это действительно был лагерь, но не военный стан и не привал паломников, не лагерь купцов или цыган, ищущих уединения: это был походный лагерь, где женщины составляли большинство. Перед путниками открывался вид на большую прачечную. В этом можно было легко убедиться, поднявшись на песчаные холмы, голые вершины которых выглядывали из-за вересковых зарослей.

Тем временем в седловине среди холмов остановилась тяжело груженная повозка. Ее владелец — торговец Клаус Хеддерих — спрятал ее подальше от дороги, чтобы никто не мог обнаружить ни лошадей, ни саму повозку. Он хотел прежде убедиться, что ему и его добру ничего не угрожает. Торговец тихо и осторожно взобрался на сосну, и его встревоженное лицо просветлело. То, что он увидел, не только не представляло собою опасности, но даже показалось ему весьма приятным для глаз. Белоснежное струящееся сияние исходило от полотнищ

холста, которые сохли на веревках, время от времени трепеща под порывами ветра. Другие, более крупные отрезы ткани, отбеливались, лежа буквально повсюду: вдоль реки, по краям холмов и даже среди сосен. Везде чувствовался порядок и ощущалась властная хозяйская рука. У многочисленных слуг и служанок, у хозяйских дочерей, у родственников и друзей — у всех, вплоть до собак, было свое особое занятие. Кто-то, черпая воду из реки, наполнял емкости, а кто-то таскал их. Одни возились с веревками, натянутыми между стволами деревьев, другие подносили прищепки, а третьи следили за тем, чтобы мокрое белье не сдуло ветром. Над догорающими кострами висели огромные котлы с горячей водой, а неподалеку стояли большие и маленькие бочки. Работа, казалось, подходила к концу, лишь на мостках, построенных на поросших камышом берегах реки, служанки, подоткнув юбки и закатав рукава, еще постирывали белье. Это была тонкая работа, оставленная на самый конец, и каждая из них стирала с особым усердием. Молодые слуги то и дело пытались, спрятавшись среди камышей, подкрасться к стирающим девушкам. Однако стоило только кому-то из них подобраться поближе, его безжалостно обливали с ног до головы. Один молодой сорванец с невинным выражением лица делал вид, что просто прогуливается вдоль берега, но какая-то плутовка чуть не вылила ему на голову целое ведро. К счастью для себя, он успел отскочить и отделался лишь несколькими каплями воды, попавшими ему

на лицо. Шалунья, смеясь, погрозила ему, но юноша вдруг посерьезнел и быстро приложил палец к губам. Дело в том, что он увидел приближающуюся хозяйку, которая была известна своей строгостью.

— О, это же милостивая госпожа фон Бредова из замка Хоен-Зиатц!

Проговорив эти слова, торговец со вздохом облегчения стал спускаться с дерева и делал это намного проворнее, чем когда на него забирался. Без всякого опасения вернувшись к повозке, он почистил лошадей, запряг их и двинулся в сторону лагеря. «Госпожа устроила большую осеннюю стирку, — размышлял он. — Если бы я знал об этом раньше, мог бы неплохо заработать. Впрочем, еще не поздно. Глядишь, мне тут что-нибудь обломится». Он задумчиво приложил руку ко лбу и вдруг остановил лошадей, так и не выехав на тропинку. Затем поднял полог повозки и принялся переупаковывать, перекладывать и перетаскивать лежащие там товары. Некоторые он спрятал подальше, а другие, напротив, положил сверху. Так и должен поступать хороший купец, знающий своих клиентов и имеющий представление о том, что им может понравиться, а что нет.

Это была большая осенняя стирка госпожи Бригитты фон Бредовой из Хоен-Зиатца. Она часто повторяла: «Зима — это белый человек. Когда он постучит в ворота, дом тоже должен быть белым и чистым, чтобы хозяин

смог чествовать гостя». Бранденбургский декан¹ фон Круммэнзее, который в это время гостил у нее, резонно замечал в ответ, что зима — незваный гость, какого и за дверь не грех вытолкать. Однако благородная госпожа возражала: «Возможно, подобное поведение было бы уместно в старые времена, достопочтенный, когда еще не существовало духовенства. Все мы знаем, что в любой дом всегда проникнут трое незваных гостей: холод, клопы и попы. Как ни закрывай дверь, они обязательно найдут щель». Декан лишь посмеивался над этими словами. Да и стоило ли обижаться, если, возвращаясь в замок, благородная госпожа велела погрузить со своими вещами и его тюк, что избавляло декана от необходимости везти его самостоятельно в Бранденбург, когда придет время возвращаться в свое теплое убежище вместе с незваной гостьей — зимой.

Осенняя стирка в замке Хоен-Зиатц была делом совершенно обычным, происходившим каждую осень. С одной стороны, это была большая работа, труд, от которого трещали кости, а с другой — самый настоящий праздник.

Хозяйка придерживалась того мнения, что любое занятие, требующее прилежания, уже само по себе является праздником. И все вокруг относились к этой ее позиции очень серьезно. Когда приходило время, госпожа бук-

¹ Декан — должность священника, выполняющего административные и пастырские функции в приходе.

вально переворачивала старинный замок вверх дном. Она сама карабкалась по узким лестницам, поскольку не доверяла ничьим глазам, кроме собственных, и следила, чтобы во всех комнатах, во всех углах, каждая, даже самая маленькая вещь, каждый отрез шерсти или холста имели праздничный вид.

Большая стирка обычно начиналась с того, что вещи грузились на три повозки — их обвязывали веревками и накрывали чистой рогожей. Сама госпожа при этом садилась в первую повозку, и начинался большой исход из замка. За тремя первыми повозками ехали еще две, везущие служанок и Евхен с Агнес — дочерей благородной госпожи. Когда юнкер¹ Ханс Йохем захотел было подставить лесенку, чтобы помочь девушкам занять их места, фрау Бригитта не одобрила его действий. По ее мнению, молодые девицы должны были понимать, что день большой стирки — это день их битвы и их славы, как сражение для рыцаря, но только если они, подобно тому же рыцарю, умеющему при необходимости самостоятельно обращаться и со стрелами, и с подругой, со всем справятся сами. Так что не успел Ханс Йохем предложить свою помощь, как Евхен и Агнес уже забрались на высокую повозку и посмеивались сверху над незадачливым юнкером.

¹ Юнкер — общее название для представителей поместного дворянства в сельских районах Германии. В основном, но не обязательно термин применялся по отношению к прусской знати.

Процессию возглавляли двое слуг в островерхих шлемах и с копьями в руках, за ними шел егерь со своей собакой. Далее везли чаны, котлы, солому, скамейки, покрывала, бочки, корзины и еще массу нужных вещей. Если кто-то удивлялся такому обилию скарба, госпожа отвечала с улыбкой: «Не заграждай уста волю молотящему!»¹ Сзади и с боков процессию прикрывали всадники и пешие слуги с охотничьими копьями и арбалетами. Был среди них даже один с тяжелым мушкетом.

Сопровождаемая музыкой и смехом, вся толпа перебиралась по скрипучему подъемному мосту, а стражники со стены долго еще смотрели им вслед, пока они не скрылись в лесу. Тот факт, что для такого чисто женского занятия, как стирка, были взяты с собой собаки, копыя, дюжина крепких вооруженных мужчин и даже огнестрельное оружие, не удивлял тех, кто знал, что представляла собой Бранденбургская марка² в начале шестнадцатого века. Любопытный оказавшийся за стенами замка или города, если только он не носил наброшенное на голое тело нищенское рубище, стремился заручиться поддержкой железа, спрятанного под камзолом, ибо залогом

¹ Второзаконие, глава 25, стих 4. Похоже, госпожа Бредова просто просила таким образом не мешать ей делать свое дело и не лезть с глупыми вопросами.

² Бранденбургская марка — одно из наиболее значительных княжеств в Священной Римской империи, существовавшее с 1157 года до роспуска империи в 1806 году.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЕКСИС ВИЛЛИБАЛЬД

ШТАНЫ ГОСПОДИНА ФОН БРЕДОВА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Ирина Львова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.10.2024.
Формат издания 76 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,84. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вв. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндiрiшi: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгiсiнiң иесi,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округi,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесi, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестiгiн
растуа туралы мәліметтердi мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-GLD-35146-01-R